

8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. — М.: Гнозис, 2004. — 326 с.

Статья поступила в редакцию 14.04.2006 г.

УДК 81'271

О. В. Красовская

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОМ СУДЕБНОМ ДИСКУРСЕ

1. Современная научная парадигма характеризуется повышением общего интереса к культурологической проблематике, порождением которого стало оформление лингвокультурологии в отдельную научную отрасль. К настоящему времени в ней уже выделилось несколько направлений (см., например: [9, с. 28-29]).

Наша статья посвящена исследованию конкретной лингвокультурной ситуации, которая складывается в ходе судебного разбирательства, направленного на разрешение правового конфликта. Таким образом, специфика судебного дискурса обусловлена целями и условиями осуществления судебно-процессуальной деятельности. Исследование опирается на записи судебных процессов по гражданским делам, основными участниками которых являются: судья (С.) и стороны — истец (И.) и ответчик (О.).

Не имея здесь возможности дать сколько-нибудь полную лингвокультурологическую интерпретацию судебного дискурса, выскажем самые общие соображения о социокультурных особенностях судебной коммуникации.

2. Как известно, специфику любой культуры определяют нормы поведения. Основными чертами речеповеденческих правил, регулирующих протекание судебной коммуникации, является их письменно-фиксированный и принудительный характер.

Судебные речевые конвенции (см.: [6]) не относятся «к сфере молчаливых соглашений» (Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева) между коммуникантами (процессуальными участниками) (ср.: [1, с. 26]). Коммуникативно-прагматический анализ процессуального законодательства обнаруживает тенденцию к уделению в законодательной практике все большего внимания правилам речевого поведения.

Функционирование любого социального института опирается на конвенции. Однако суд — сфера, требующая максимального исполнения конвенциональных норм. За их несоблюдение предусмотрены санкции.

Какие именно нормы коммуникации получают законодательное закрепление? Какие требования к процессуальной деятельности участников судебного разбирательства оказываются зафиксированными в законе?

Анализ гражданского процессуального регламента показывает, что законодательное воплощение получают закономерности речевого общения, выявленные П. Грайсом [3] и Дж. Личем [12]. Поскольку объем статьи не позволяет нам показать соотношение коммуникативных и правовых норм, отметим только, что особую значимость для судебной культуры имеет постулат истинности. Он находит отражение в целом ряде статей Гражданского процессуального кодекса. Естественным поэтому для судебной практики является запрашивание основания истинности предъявляемых суду пояснений и др., недопустимое в иных социально-коммуникативных сферах.

Включаются в процессуальное законодательство и нормы организации судебного диалога в связи с тем, что он имеет ряд отличий от естественной диалогической речи, а также жанровые конвенции — представления о содержании и форме судебно-процессуальных жанров.

Итак, осознание речедетельностной основы судебного разбирательства, его специфических коммуникативных характеристик обязывает законодателя к

«превращению» коммуникативных норм в правовые. Судебная речевая практика постоянно обобщается, в результате чего коммуникативно-правовые нормы дополняются и совершенствуются (более подробно об этом мы писали в [7]).

3. Судебное разбирательство протекает в условиях доминирования судебно-правовой культуры. Оно возникает и осуществляется на основе правовых норм. Речевое взаимодействие между судьей и непрофессиональными участниками процесса характеризуется социокультурной разобщенностью. Судья — типичный представитель судебной культуры, которой владеет на профессиональном уровне. Кругозор непрофессиональных участников в области судебной культуры ограничен.

Столкновение обыденного и профессионального уровней судебной культуры в ходе судебного разбирательства порождает коммуникативные неудачи (явление, именуемое в психологической литературе «барьером социально-культурных различий» между коммуникантами [8, с. 21-22]). Вот фрагмент судебного диалога, который затягивается из-за неправильных представлений истицы о полномочиях судебного института:

(Из дела по иску тещи к своему зятю о возмещении материального вреда за разбитый телевизор, купленный на ее деньги; слушание происходит в апелляционном суде на стадии судебных прений, в ходе которых С. уточняет у И., что она просит сделать с решением районного суда)

С. (обращаясь к И.) Что просите у суда?

И. Я прошу, чтобы деньги отдали.

С. Мы никому деньги не отдаем. (смотрит вопросительно на И.)

И. (молчит)

С. Мы только оставляем решение без изменений, или отменяем, или изменяем.

И. Я ж сказала.

С. То, что Вы просили в апелляционной жалобе?

И. (кивает)

С. Садитесь.

Для судебного дискурса характерно использование различных приемов (выяснение, уточнение и т.п.), направленных на преодоление межкультурного барьера (понимание судьей материально- и процессуально-правовых позиций сторон, познание непрофессиональными участниками судебного процесса основ юридической культуры). Главным инструментом адаптивных приемов является вопрос. Ср., например, диалог, в котором судья недостаток у истца знаний об адекватном исполнении процессуальной роли восполняет цепью наводящих вопросов:

(В апелляционном суде И. обжалует определение районного суда, который отказал И. в принятии жалобы на действия работников ГАИ из-за ее ненадлежащего оформления)

С. (обращаясь к И.) Слушаем Вас, П.

И. (молчит)

С. Почему Вы считаете, что определение незаконно?

И. Почему они не приняли жалобу к рассмотрению?

С. Вы считаете, что определение соответствует закону?

И. Вы знаете, я плохо в этом разбираюсь.

С. Подождите. Вы поддерживаете свою жалобу?

И. Да.

С. И считаете, что она соответствует требованиям закона?

И. Я считаю, там не к чему придраться.

Приведем также фрагмент диалога, демонстрирующего стремление истца к сознательному овладению юридическими знаниями:

С. Заявления, ходатайства у участников процесса есть?

И. У меня есть заявление... или ходатайство... Не знаю, как это правильно назвать. Из кодекса непонятно... Чем они отличаются?

С. О чем?

И. *(читает заранее подготовленный текст об истребовании документов у О.)*

С. Вообще-то это ходатайство.

4. Судебный дискурс – это социально-коммуникативная сфера с четкой ролевой структурой. Какие модели ролевого поведения сложились в судебной культуре?

Так, требования к ролевой деятельности судей содержатся в процессуальных кодексах и специальном законе («О статусе судей»). Однако в судебской практике выработалось собственное представление о целесообразности предъявляемых ролевых требований к отправителям правосудия. Социально-правовое положение судьи в обществе, процессуально-коммуникативное лидерство, судебный этикет способствовали тому, что в судебской деятельности закрепились: авторитарный стиль общения с участниками процесса, некооперативная диалоговая стратегия и инструментально-агрессивные поступки.

Речевое поведение судьи отличается эксплицированием собственного места в социальной иерархии, направленным на утверждение с участниками процесса доминирующей позиции. Ментальность судей отражают, например, следующие диалоги:

О. *(обращаясь к С.)* Скажите, что это за работник, из-за которого предприятие штраф платит?

С. Суду вопросы не задают. Я свое мнение в решении выскажу;

С. *(обращаясь с вопросом к истице об О. – ее бывшем супруге)* Он у Вас, наверное, большой начальник? Звонил, что не может прийти.

И. По документам – зав. производством, а реально – большой.

С. Я ему сказала, что мне его причины... Здесь суд, а не производство. В следующий раз дело будет рассмотрено без него.

Судейской речи свойственна тенденция к отчуждению, дистанцированию от участников процесса. (Возможно, под влиянием того, что судебный узус включает в себя зоны закрытого профессионального общения: совещательная комната, совещание судебной коллегии «на месте»). Это проявляется в разнообразных средствах реализации оппозиции «суд, судья – вы (участники процесса)». Например: *В прениях уже говорят, о чем Вы просите нас сделать; (реакция С. на заявленное О. ходатайство о назначении экспертизы) Шас я прям назначу Вам экспертизу и буду полгода ждать!*

Для судебской речи характерна тенденция к постоянной «модально-отрицательной обработке» реплик сторон: *Доверенность составлена отвратительно. Надо писать ее надлежащим образом; (в апелляционном суде обсуждается отсутствие в*

деле необходимых документов) *Это непростительно по такому делу так относиться недобросовестно; (вопрос С. к адвокату И.) Почему Вы плохо исполняете свои обязанности?*

Закреплению непартнерской модели поведения в судейской деятельности, кроме указанных выше факторов, также способствовали поведенческие стереотипы остальных участников процесса, которые по отношению к судье с готовностью занимают позицию, квалифицируемую в психологии как «пристройка снизу». (Ср., например, народные представления о «должном» поведении в суде: *Не бойся суда, бойся судью; С судьею не спорь, с тюрьмою не вздорь!*) В общении с судьей стороны демонстрируют свою зависимость от него, преувеличенную вежливость, сверхпочтительность. Ср.: (из пояснений О. в споре с коммунальными службами) *Вы извините, пожалуйста. У меня последний этаж. Когда мы спускаем кран, сначала идет горячая, а потом холодная вода; (реплика И. в судебных прениях по земельному спору) Ваша честь, прошу прощения. Я не знаю, как объяснить. Мне эти 164 метра как воздух нужны.*

5. Будучи одной из важнейших составляющих коммуникативного контекста, культура определяет способы речевого взаимодействия.

Гражданская процессуальная форма представляет собой правовой стандарт, устанавливающий единый и обязательный порядок рассмотрения дел. Он складывается из следующих друг за другом стадий, для каждой из которых характерна совокупность процессуальных действий.

Повторяемость социально-коммуникативных ситуаций, как известно, ослабляет импровизационный характер «обслуживающей» их речи, способствуя использованию в ней готовых формул. Поэтому в рамках судебной культуры значительное место занимают судебнопроцессуальные стереотипы.

Например, такие метаязыковые клише в судейской речи, как *Докладываются материалы дела, Разъясняются процессуальные права, Суд переходит к судебным прениям* и под., обнажая структуру судебного диалога, объемной коммуникативной формы, делают его более четким и понятным для непрофессиональных участников.

Приведем пример микродиалога, состоящего из готовых речевых формул. Он соответствует той стадии судебного процесса, которая имеет название «начало рассмотрения дела по существу»:

С. (закончив доклад, обращается к И.) Поддерживаете Вы свои исковые требования?

И. Да.

С. В полном объеме?

И. Да.

С. (обращаясь к О.) Признаете Вы требования истца?

О. Нет.

Характерны для судебной традиции специфические ритуальные действия. Процессуальный ритуал, например, обязывает суд при разрешении ходатайств одной стороны заслушивать мнение другой стороны — даже в тех случаях, когда оно повлиять на характер постановления суда не может. Исполнение ритуала обсуждения является знаком равноправия и состязательности сторон:

(Адвокат И. заявляет ходатайство сразу после предоставления О. ряда документов, затребованных судом на предыдущем судебном заседании)

И. В связи с предоставленными документами нам необходимо время, чтобы мы увеличили исковые требования, а также их изучить.

- С. (*обращаясь к О.*) Ваше мнение. Не возражаете против ходатайства?
О. (*недовольно*) Я считаю, что я документы сдала в суд, но не адвокату.
С. Суд принял Ваши документы. Они приобщены к делу, а стороны имеют право знакомиться со всеми материалами дела. Адвокат хочет с ними познакомиться, так как он осуществляет ее (*истицы*) право на защиту.
О. Ну пожалуйста.
С. Объявляем перерыв...

Ритуальный характер носят и некоторые другие процедурные элементы. К ним, в частности, относится механизм отвода суда, который в процессуальный регламент включен как средство обеспечения объективности и беспристрастности судебного разбирательства. Однако на практике стороны редко пользуются этим правом. Достаточно сказать, что в районном суде судья единолично решает вопрос о своем отводе и неудовлетворение соответствующего ходатайства грозит ухудшением отношений с отправителем правосудия. (Отметим, что в юридической литературе механизм судейского отвода регулярно получает оценку «декоративного».)

6. При описании конкретной лингвокультурной ситуации должна учитываться ее стилистическая организация.

Специфику стилистической организации судебной культуры определяют следующие факторы:

1) Сферу права, как известно, обслуживает официально-деловой стиль. Своеобразие судебного дискурса послужило основанием для выделения в рамках указанного стиля юридический подстиля [5]. Ключевыми словами судебной культуры является юридическая терминология.

Как показывают наблюдения, судьи требуют от непрофессиональных участников судебного процесса усвоения основ судебной культуры, в том числе специальных юридических терминов:

- С. (*обращаясь к жене (Ж.) И.-инвалида*) Вы представитель или адвокат?
Ж. И представитель, и адвокат.
С. (*недовольно*) Такого не бывает. Читайте гражданский процессуальный кодекс;
С. (*обращаясь к И.*) Можем мы рассматривать дело без Ш. (*ответчика*)?
И. Он был на предварительном слушании.
С. Идете в суд, хоть немного почитайте. У нас нет предварительного слушания. Это в уголовных делах.
И. На собеседовании. Извиняюсь.

2) Защита прав человека судебным путем осуществляется от имени государства, поэтому ситуации разрешения правового конфликта свойственна торжественная тональность (на стилистическое «повышение» речевого поведения от имени власти обращала внимание Т.Г. Винокур [2, с. 120]).

Указанную тональность «поддерживает» законодательная стилистика, в соответствии с которой *решение суда провозглашается, суд пребывает в совещательной комнате, а также истребует доказательства* и под. Таким образом, для судебной речевой практики характерно использование средств высокого стиля. Ср., например, фрагмент судейского доклада: *Истица, считая увольнение незаконным по тем основаниям, что ответчик на протяжении двух месяцев, предшествующих сроку истечения контракта, уклонялся от обязанностей определить дальнейшую судьбу контракта...* В

судебных постановлениях часто используется архаичная формула обозначения даты: *2003 года, июня месяца, 03-го дня суд Жовтневого района города Луганска...*

3) Судебное разбирательство осуществляется в устной форме. Однако судебнопроцессуальный регламент предполагает постоянное взаимодействие судебного диалога с письменной формой речи. Закон, в частности, требует письменной фиксации судебного процесса, которая является гарантией реализации права человека на судебную защиту. Протоколирование обеспечивает возможность пересмотра дела: вывод о правильности судебного решения вышестоящие суды делают прежде всего на основе ознакомления с материалами дела.

Составление протокола предполагает «перевод» устно-разговорной речи в письменнопотокольную стилистику, который иногда осуществляется прямо в ходе судебного заседания, в структуре судебного диалога. «Перевод» существенных для дела высказываний, которые не пригодны к записи в протокол ввиду неполноты, нечеткости содержания и/или формы, может включать в себя как переконструирование, так и перекодирование. Характерный пример:

(В апелляционном суде принято коллегиальное рассмотрение дела; в приводимом ниже диалоге, кроме судьи-докладчика, председательствующего в судебном заседании (П.), также участвует еще один судья-член судебной коллегии (С.); суд заслушивает объяснения И.)

И. Я не согласен с решением суда.

П. Почему Вы с ним не согласны?

И. Краснолучский суд не выяснил следующее. Я издал приказ. Прокурор подал протест на него. Но протест был отклонен.

П. Если Вы хотите это изложить для суда, то это должно звучать так. Факт издания мною незаконных решений не доказан. А суд этому не дал оценки. Вот это Вы должны рассказывать, а не то, как руководили страной. Вот как я прошу Вас говорить.

И. Суд также не в полной мере рассмотрел мое отсутствие на работе...

С. *(обрывая)* Извините, что значить «не в полной мере»? Вы по уважительной причине отсутствовали? По болезни?

П. Сергей Васильевич, опять-таки русским языком. Суд не учел...

И. Суд не учел мое отсутствие на работе по уважительной причине. Прокурор принял решение о моем аресте. Я был не согласен. Я обратился в Верховный Совет с жалобой на незаконное постановление о возбуждении уголовного дела, в Администрацию Президента, к премьер-министру. Был на приеме у заместителя Администрации Президента, встречался с депутатами.

П. *(раздраженно)* Я отсутствовал, потому что было принято постановление о моем аресте и поехал в Киев отстаивать свои права. Трудно записывать в протокол.

Из сказанного следует, что судебная культура в целом ориентирована на специальную и повышенную стилистику. Вместе с тем диалогические условия судебного разбирательства не могут не накладывать отпечаток на судебную речь и способствуют появлению в ней разговорно-обиходных элементов. Даже в речи отправителей правосудия наблюдаем действие противоположных тенденций. С одной стороны, это требование от процессуальных участников повысить стиль высказываний:

(Из земельного спора, находящегося на рассмотрении в суде апелляционной инстанции)

С. (*обращаясь к И.*) Сформулируйте вопрос правильно. Не волнуйтесь.

И. Вопрос. Почему у меня отобрали 164 метра?

С. Не отобрали, а решение отменили. Отбирают на улице. Говорите правильно.

С другой — использование актуальных для ситуации спора сниженных средств. Примеры: (обращения С. к работникам коммунальных служб, которые являются ответчиками в деле, не признающими требования И.) *А при чем тут авария в доме? У меня протекла, прохудилась батарея в доме. Что это такое?; На вводе в дом проверялся когда-нибудь тепловой режим? Именно на вводе в дом, чтобы решить, кто из вас отвечает. А то люди страдают, а две организации не могут решить. Или будет дальше продолжаться спихивание вины друг на друга?*

Активно включатся сниженные элементы в речь процессуальных оппонентов, между которыми часто устанавливаются «взаимно-отрицательные отношения» (термин социальной конфликтологии). Для такого вида отношений характерна инвективная стратегия речевого поведения, одним из языковых средств реализации которой является сниженная лексика, содержащая в себе намерение оскорбить адресата. Ср.:

С. Кто разбил телевизор?

О. Бывшая жена.

И. (*бывшая свекровь О.*) Какой хам! Выгнал ее (*дочь*) и все побил.

С. Не пререкайтесь. Вам предоставят еще слово.

Итак, судебное разбирательство представляет собой такую лингвокультурную среду, в которой происходит неизбежное смешение стилистически разнородных элементов (на это достаточно давно обращал внимание Д.Н. Шмелев [11]; см. также: [4, с.87-89]). Характерные для судебной речи стилистические переключения и контаминации обусловлены различными факторами (профессиональный статус процессуальных участников, форма речи, протяженность диалогических реплик, степень их подготовленности и нек. др.).

7. Подведем итоги. Судебный дискурс обладает ярко выраженной социокультурной спецификой, которая обнаруживает себя в характерных только для него коммуникативных нормах, речеповеденческих моделях, стилях взаимодействия и мн. др. В нем представлены специфические виды коммуникативных неудач и механизмы их преодоления.

Судебная коммуникация — объект, представляющий интерес для ученых разных специальностей. Углубленное изучение судебного дискурса дает много ценного как для теоретических наук, так и для нужд речевой практики.

Литература

1. Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В. Истоки, проблемы и категории прагматики // НЗЛ. Лингвистическая прагматика. — Вып. 16. — М., 1985.
2. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М., 1991.
3. Грайс П. Логика и речевое общение // НЗЛ. Лингвистическая прагматика. — Вып. 16. — М., 1985.
4. Губаева Т.В. Язык и право. — М., 2003.
5. Дускаева Л.Р., Протопопова О.В. Официально-деловой стиль // Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. — М., 2003.
6. Колтунова М.В. Конвенции как прагматический фактор диалогического общения // ВЯ. — 2004. — №6.
7. Красовская О.В. Нормы коммуникации и законодательная практика (на материале гражданского процессуального законодательства) (в печати).

8. Крысько В.Г. Словарь-справочник по социальной психологии. — СПб., 2003.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология. — М., 2004.
10. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л.П. Крысин. — М., 2003.
11. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977.
12. Leech G.N. Principles of Pragmatics. London — N.Y., 1983.

Статья поступила в редакцию 04.03.2006 г.

□

УДК 81' 373

Н. Н. Ничик

СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ К. Г. ПАУСТОВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА «СТАРЫЙ ПОВАР»)

Замечательным мастером русской прозы 2-ой половины XX в. является К.Г. Паустовский, писатель, драматург, эссеист, блестящий мастер малого жанра — рассказа. В 1940 г. он опубликовал рассказ «Старый повар» [1, с. 623–627], примыкающий по тематике к рассказам о выдающихся творческих личностях — писателях, композиторах, художниках, о загадке и смысле творчества. По мнению Г.П. Трефиловой, « — упоение магией и музыкой поэтического слова, утонченная способность восприятия, особо трепетное отношение к явлению — стилистические свойства его собственной писательской индивидуальности» [2, с. 297].

1. Семантическая и структурная выделенность поэтического слова в художественном тексте неоднократно отмечалась как исследователями, так и писателями, поэтами. Каждое слово текста художественно значимо, т.к. является элементом творческого целого, организованного писательским замыслом, но по отношению к концептуальному содержанию и авторской художественно-эстетической оценке обладает различным потенциалом. Такими выделенными элементами текста являются **ключевые слова**, которые соответствуют определенной семантической теме и обладают определенным лексическим окружением — лексической парадигмой, включенной в текстовое повествование. Как отмечает Т.В. Кузнецова, «скопление лексем может быть средством характеристики самого действия или средством раскрытия характера участников действия» [3, с. 202].

1.1. Лексема **старый** в значении «проживший долгую жизнь» возникает в заглавии рассказа и определяет собой одну из важнейших тем рассказа — семантическую тему времени жизни человека (старость / молодость) и характеризует персонаж — Иоганна Мейера, о прошлом и настоящем которого складывается повествование. Тем самым лексема занимает семантически сильную позицию и является ключевым для всего рассказа, прогнозируя сюжетное развитие, выполняя проспективную функцию.

Экспозиция рассказа воссоздает биографию персонажа — «бывшего повара графини Тун» [1, с. 623], который «ослеп от жара печей» и был поселен в сторожке. Эти детали биографии сообщают ведущему определению темы «достойный жалости и сочувствия», «искалеченный тяжелым трудом». Определение **умирающий** дополнило временную характеристику признаком предельности, конца / границы.

Семантическая тема старости и умирания поддержана и развернута лексической парадигмой — окружающим контекстом: «ветхая сторожка» (ЛЗ: «пришедшая в крайний упадок от времени»), «гнилые ветки сада» (ЛЗ: «лишенные жизни,